

Кр1352318

На правах рукописи

МОНЗИКОВА Людмила Николаевна

Топонимия Вологды и ее окрестностей

Специальность 10.02.01. – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Люся -

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая работа представляет собой исследование топонимии Вологды и ее окрестностей в историческом аспекте.

Актуальность темы исследования. В последние годы решение теоретических вопросов лингвистики, вопросов функционирования языковых единиц все чаще связывается с понятием языковой картины мира, отражающим определенный способ видения и постижения мира через язык [Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Т.И. Вендина, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова, А.А. Уфимцева, Е.С. Яковлева и др.].

Топонимия – это уникальная подсистема языка, “часть культурной среды народа, его мироощущение, миропонимание и мироконструирование” [Керт: 1988, 4]. Проблема изучения языковой картины мира, ее ценностных параметров может решаться на конкретном региональном материале.

Изучению севернорусской топонимии посвящены работы А.И. Попова, А.К. Матвеева, Ю.И. Чайкиной, Г.Я. Симиной, М.Э. Рут, Е.Л. Березович, И.А. Летовой, Е.Н. Варниковой, Н.П. Кашиной и др. Топонимия Вологды и ее окрестностей систематическому описанию еще не подвергалась, что и определяет актуальность данного исследования.

Объектом диссертационного исследования являются топонимы трех классов: урбанонимы, ойконимы, гидронимы, отмеченные в официальных документах XVI – XX вв. В рамках данной работы проанализировано свыше восьми тысяч названий. Материал исследования ограничиваем территорией Вологодского уезда, то есть региона, исторически связанного с Вологдой, в пределах рек Вологды, Верхней Сухоны, Верхней Согожи, Кубенского озера и его притоков.

Выбор региона исследования. Вологодский уезд в XVII веке являлся самым крупным и населенным районом на Северо-Западе Русского государства. Это начало Сухоно-Двинского пути к Архангельску, как и всех путей в Сибирь, преддверие богатого Поморского края, перевалочный пункт огромного грузооборота. Как и в центральных волостях, здесь господствовало поместно-вотчинное землевладение. Массовые сведения о топонимии этой территории имеются с XVII века, а об отдельных названиях – с XV-XVI вв.

Целью работы является описание топонимии Вологды и ее окрестностей в историческом развитии. В соответствии с поставленной целью в задачи работы входит:

- 1) определить основные признаки и принципы номинации топообъектов;
- 2) выявить основные способы номинации топообъектов;

- 3) изучить состав субстратных топоформантов и топооснов гидронимии края;
- 4) выявить особенности системной организации исследуемой топонимии;
- 5) сопоставить топонимический материал нескольких синхронных срезов, определить основные тенденции и закономерности развития топонимической системы;
- 6) реконструировать фрагмент языковой картины мира и системы ценностей жителей Вологды и окрестностей.

Методы исследования традиционные для ономастики: описательный, сравнительно-исторический, структурно-сопоставительный, статистический.

Источниковая база диссертационного исследования. Топонимия города Вологды и ее окрестностей исследуется по документам XVI-XX веков. Широко привлекаются данные памятников деловой письменности г. Вологды и Вологодского уезда XVI – XVIII вв. В качестве основных источников используются документы переписи населения – писцовые и переписные книги, содержащие массовый топонимический материал:

1. Дозорная книга посада Вологды князя П.Б. Волконского и подьячего А.Софонова 1616-1617 г.г. (Публикация Ю.С.Васильева) // Вологда: Историко-краеведческий альманах. – Вып.1. – Вологда: Русь, 1994.
2. Список с писцовой книги г. Вологды 1629 года // Источники по истории Вологды. – Вып.1. – Вологда, 1904.
3. Переписная книга Вологды 1711 года. Данный рукописный памятник хранится в фонде Государственного архива Вологодской области (ГАВО). Его полное название – “Книга переписная г. Вологды переписи и меры И.Шестакова и В.Пикина” (ГАВО, ф.652, оп.1, №37).

Ценным источником является Список селений Вологодского уезда, составленный Я. Е. Водарским по материалам шести переписных книг 1678 года. Список опубликован в книге: Аграрная история Европейского Севера СССР. - Вып.3. - Вологда, 1970.

Список включает 5486 ойконимов и обладает большой информативностью и системностью. Названия сгруппированы по волостям. В скобках после ойконима указывается параллельное наименование: *Новое (Владычино), Сельцо (Горка), Фроловское (Дощаник, Новое), Берданиха (Мякотиниха, Мякотиха)*.

Дополнительными источниками послужили опубликованные акты Северного края, г. Вологды, географические карты, атласы, планы, списки населенных мест, справочники административно-территориального деления. В работе широко используются материалы толковых, этимологических, диалектных словарей.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Топонимия Вологодского уезда свидетельствует об особенностях заселения края. Материалы исследования подтверждают тезис А.К. Матвеева о древнейших связях данного региона с Верхним Поволжьем, мерянской языковой зоной, архаичными диалектами Чуди Заволочской.

2. Ойконимия отражает особенности хозяйственного освоения региона, менталитет носителей языка. Основной стержень номинации - географическая реалия как объект хозяйственного использования.

3. Особенность урбанонимии заключается в ее подвижности. В XVII-XIX веках вербальный пространственный образ города создаётся именами храмовых строений и названиями внутригородских объектов, возникшими на базе экклезионимов. В XX веке происходит вытеснение исторических наименований идеологическими, происходит топонимический разрыв.

Научная новизна исследования состоит в том, что всестороннему анализу в нем подвергается топонимия Вологды и Вологодского уезда, систематически не изучавшаяся. Исследованы обширные топонимические данные, отмеченные в памятниках деловой письменности. Рассмотрена динамика развития топонимии Вологды и ее окрестностей в XVII-XX вв.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что результаты проведенного исследования пополняют теоретические знания в области становления и развития региональной топонимической системы.

Практическая значимость работы. Материалы и наблюдения, представленные в диссертационном исследовании, могут быть применены в вузовском преподавании курсов лексикологии, истории русского языка, в спецкурсах и спецсеминарах по общей, региональной и исторической ономастике, в лексикографической практике при составлении топонимических словарей. Результаты исследования могут быть использованы для сопоставления при изучении особенностей развития топономических систем других территорий.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры русского языка Вологодского государственного педагогического университета. Основные положения работы отражены в четырех публикациях.

Структура работы. Работа содержит введение, три главы, заключение.

Приложением к работе являются список источников, словарей, использованной литературы, список условных сокращений, карты. Порядок расположения глав определяется показателями динамики развития отдельных классов топонимов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается выбор темы, ее актуальность, определяются цель и задачи, методы исследования, указывается источниковая база диссертации, описывается структура,дается

характеристика работы с точки зрения ее новизны, возможностей теоретического и практического применения полученных результатов.

В первой главе “История топонимии города Вологды” выделяются этапы формирования урбаникона (XIII – XVI вв., XVII в., XVIII в., XIX – XX вв. (дооктябрьский период); XX в. (послеоктябрьский период)), рассматриваются основные закономерности и тенденции развития урбанизации на каждом этапе, датируется возникновение и количественное увеличение названий различных видов городских объектов, прослеживается зависимость номинативного процесса от социально-экономических факторов.

К старейшему слою урбанизации Вологды относятся городские хоронимы, отражающие особенности природного пространства, в котором обустроен город: *Всполье (Сполье)* (ПКВ 1629, 165; ПКВ 1711, 63), *Гора* (ПКВ 1711, 131), *Наволок* (ПКВ 1629, 81), *Новинки* (ПКВ 1629, 81), *Рощенье* (ПКВ 1629, 154) и др. По данным древней топонимии Вологды можно судить о хозяйственно-экономическом укладе жизни горожан того времени, о восприятии окружающего мира диалектносителями.

Однако, несмотря на то, что любой город строится на местности и приспосабливается к ландшафту, не природные, а социальные условия определяют состав его внутригородских объектов. Более значимым становится именование по связям с социальной инфраструктурой города, его производственной, торговой, управлеченческой деятельностью, идеологией.

На основании письменных источников выявлено более 120 названий XVII века различной номенклатуры. Для обозначения района города использовались термины *слобода, сорок* (‘церковно-административный округ’ [СлРЯ XI-XVII, 26, 179], ‘участок, район города с одной церковью, причем за этим районом закреплено определенное количество дворов и дворовых пустых мест’ [Чайкина: 1976, 37; 1989, 104-105]). Более мелкими единицами административного деления являлись *улица, переулок, площадь (площадка), берег* (‘улица, расположенная по берегу реки, набережной’ [Чайкина: 1989, 111]), *крюк* (‘переулок, но не прямой, а изогнутый’ [Чайкина: 1989, 111]).

Названия сороков восходят к экклезионимам: *Леонтьевской сорок* (ДКВ 1616-1617, 19 об.) – церковь *Леонтия Ростовского Чудотворца* (ПКВ 1629, 149), *Мироносицкой сорок* (ДКВ 1616-1617, 24) – церковь *Святых Жен Мироносиц* (ПКВ 1629, 151). Единичны наименования сороков, основанные на отношениях с другими топообъектами (сорок – улица, сорок – слобода): сорок *Широкие улицы* (ДКВ 1616-1617, 10 об.), сорок *бывшие Владычны слободы* (ДКВ 1616-1617, 7 об.). Данные топонимы оказались менее устойчивыми. Есть основания для отождествления сорока *бывшие Владычны слободы* н. XVII в. с *Зосимовским сороком* к. XVII в. [Черкасова: 2003, 224], *Козленского сорока* (ДКВ 1616-1617, 351) - с *Покровским сороком* (Поруч.,

1659, ОСВ, вып. 10, 35). Изменения возникают как под давлением языковой системы (названия сближаются в семантическом отношении), так и под влиянием экстралингвистических факторов: город Вологда – крупный епархиальный центр Русского Севера.

Показательно сопоставление сороков Вологды и Белоозера. В Дозорной книге Белоозера 1617-1618 г. наряду с названиями церковного характера - *Воскресенской* сорок (ДКБ 1617-1618, 39 об.), *Петровской* сорок (ДКБ 1617-1618, 65) – фиксируются *Белобородов* сорок (ДКБ 1617-1618, 55), *Захарин* сорок (ДКБ 1617-1618, 31 об.) *Жюков* да *Логинов* сорок (ДКБ 1617-1618, 47 об.), восходящие к именам или фамильным прозваниям жителей (возможно, старост или бывших писцов тех мест).

В Вологде принцип номинации, основанный на связи с человеком, используется при наименовании слобод. Мотивировочным признаком становится профессия жителей, род занятий: *Стрелецкая* слобода (ПКВ 1629, 100), *Розсыльчицкая* слобода (ПКВ 1629, 127) < *rossыльщик* ‘должностное лицо, посылаемое с поручениями в отъезд’ [СлРЯ XI-XVII, 22, 75], *Кузнецы* (ПКВ 1629, 123). Топонимия не только информирует о специализации слобод, но и локализует их: «Въ городъ – жъ слобода Стрѣлецкая, а въ ней живуть стрѣльцы <...> И всего въ Стрѣлецкой слободѣ 13 дворовъ, а людей въ нихъ 28 человѣкъ» (ПКВ 1629, 100).

Система годонимов представлена 30 словами. Номинация линейных объектов осуществляется в основном с ориентацией на церковные постройки как значимые смежные объекты. «Въ Вознесенской улицѣ от Вознесенского монастыря къ торгу» (ПКВ 1629, 104) ... «Въ Богословской улицѣ: <...> мѣсто церковное, что была церковь *Ивана Богослова*» (ПКВ 1629, 137).

Представление о месте как пространстве человеческой активности реализуется на основе двух мотивировочных признаков: по домовладельцам или землевладельцам, в честь лиц, так или иначе имеющих отношение к месту (*Гасилова*, *Ехалова* улицы, *Козловской* переулок [ПКВ 1629, 80, 168, 177]); по занятиям горожан, особенностям их производственной деятельности (*Калачная* – *Калашная* улица [ПКВ 1629, 81, 183]).

В квадративных названиях характеризуются форма объекта (*Широкая* улица [ПКВ 1629, 135], *Тесная* улица [ПКВ 1629, 173]); размер (*Большая* улица [ПКВ 1629, 82]); свойственные объекту функции (*Проезжая* улица [ПКВ 1629, 51]); отмечается оценка свойств объекта (отрицательная) (*Бесов* крюк [ПКВ 1629, 165], *Чертов* переулок [ПКВ 1629, 165]). В топонимах *Бесов*, *Чертов* сохранились отголоски языческих представлений. Общим является восприятие данных городских объектов как опасных, трудных для освоения.

Агоронимы XVII века воссоздают яркую картину развития в Вологде ремесел (кожевенного, деревообделочного производства, кузнечного дела), иконописания, свечного промысла, торговли солью, рыбой, съестными

припасами, одеждой, обувью, москателю: ряды *Сапожной*, *Щепянной*, *Серебряной*, *Иконной*, *Свечной*, *Соляной*, *Рыбной*, *Мясной*, *Шапочной*, *Лапотной*, *Ветошной*, *Москотильной*.

В названиях церквей и храмов отражены традиционные для Европейского Севера принципы храмоименования: Господские, освященные во имя Господа Иисуса Христа и важнейших событий его жизни: церковь *Рождество Христово* (ПКВ 1629, 17), церковь *Входа во Иерусалим* (ПКВ 1629, 134); Богородичные, т.е. освящённые во имя Богородицы или каких-либо событий её жизни: церковь *Похвала Пречистые Богородицы* (ПКВ 1629, 137), церковь *Успения Пресвятой Богородицы* (ПКВ 1629, 142); пророческие и апостольские: церковь *святых апостолов Петра и Павла* (ПКВ 1629, 23), церковь *святого пророка Еремея* (ПКВ 1629, 149), а также храмы, освящённые во имя святых (вселенских, общерусских, местных): церковь *Бориса и Глеба* (ПКВ 1629, 21), церковь *великомученика Федора Стратилата* (ПКВ 1629, 114).

Названия церквей г. Вологды, образующие полный круг храмоименований, вмещают в себя всю полноту православных духовных ценностей. На основе экклезионимов строятся парадигматические ряды наименований: церковь *Николы чудотворца* – *Никольской* сорок (ДКВ 1616-1617, 13 об.) – *Никольская* улица (ПКВ 1629, 173) – *Никольские* ворота (Фалин: 1924, 29). Функционирование таких небольших подсистем – одна из ярких страниц истории урбанизации Вологды.

В XVIII-XIX веке наблюдается преемственность в процессе номинации внутригородских объектов. В 1711 г. зафиксировано 59 годонимов, из них: 1) 23 названия, встречавшихся в XVII в. и сохранившихся в н. XVIII в.; 2) 37 новых имен; 3) 7 имен, употреблявшихся в XVII в. и забытых в XVIII в. (*Кобылкина* улица, *Козловской* переулок, *Бесов* крюк, *Чертов* переулок, *Васильевская* улица, *Покровская* улица). Сопоставление материалов двух хронологических срезов позволяет говорить о годонимии г. Вологды как явлении развивающемся и в то же время сохраняющем значительную устойчивость.

Отчетливо прослеживается дальнейшая тенденция называть линейные объекты именами храмов, монастырей: *Благовещенская* улица < *Благовещенская* церковь (ПКВ 1711, 103 об., 105), *Георгиевской* берег < *Георгиевская* церковь (ПКВ 1711, 166 об., 168). Так же, как и в XVII в., идет образование годонимов от фамилий домовладельцев: переулок *Галкин* (ПКВ 1711, 58), *Булдаков* звезд (ПКВ 1711, 47 об.). В условиях развития частной собственности один из самых ярких различительных признаков объекта – принадлежность его определённому лицу. Отантропонимические годонимы легко прочитываются как ‘улица, ведущая к дому ...’, ‘переулок, ведущий к дому ...’

Новым для топонимической системы XVIII века является возникновение годонимов от наименований районов города: *Козленская улица* (ПКВ 1711, 23) < *Козлена, Новинская улица* (ПКВ 1711, 3 об.) < *Новинки, Обуховская улица* (ПКВ 1711, 78) < *Обухово*. Отмечен процесс конкретизации, который поддерживается способностью тополексики образовывать регулярные семантические оппозиции: *Владышная (Владычна) слобода* > *улица Верхняя Владышня слобода* и *улица Нижняя Владышня слобода*.

По сравнению с XVIII веком в топонимической системе Вологды XIX века увеличивается количество семантически связанных названий: ул. *Старая Введенская – Новая Введенская, Большая Архангельская – Малая Архангельская*. “Чем выше процент названного, тем жестче влияние системных отношений на вновь создаваемые названия” [Березович: 1991, 77].

Изменение экстраварнистических условий после Октября 1917 года вызвало ускоренную динамику топонимической системы города Вологды. Широкое развитие получила номинация, основанная на условных, отстранённых мотивировочных признаках. Появляются символические названия и названия-посвящения, отражающие ценностную картину послереволюционной эпохи, подчёркивающие значимость социальных достижений, направленные на возвышение человека, чествование чьих-либо заслуг: ул. *Советская, Красноармейская, Володарского, Урицкого, Лассала*. Пафос прославления трудового энтузиазма пронизывает коллективные посвящения: ул. *Текстильщиков, Трактористов*. Топонимию захлестнула волна переименований: пл. *Гостинодворская – Свободы – Папанинцев – Победы*, ул. *Пятницкая – Героев Арктики – Мальцева*. В названиях закрепляются ключевые слова новой эпохи. Топонимические преобразования 1917-1945 гг., 1945-1990 гг. привели к вытеснению из урбаникона Вологды, одного из старейших городов Русского Севера, почти всех исторических имен. Возвращение старых, дореволюционных названий в городскую среду стало символом возрождения историко-культурной преемственности в топонимии (н. 90-х гг.).

В XVII-XIX вв. наиболее активно в процессе номинации внутригородских объектов используются субстантивация прилагательного (*Покровская улица, Козленская улица*), синтаксическая деривация (улица *Старая Введенская, улица Большая Благовещенская, улица в Большых Кузнецах*).

В XX веке отмечено широкое действие стандартов называния, особенно улиц, площадей. Получает развитие блочная техника наречения, регистрируется массовое проникновение генитивных названий во внутригородскую топонимию (в 1928 г. урбанонимы в форме родительного падежа составляют 15% от общего числа названий, в 1976 г. – 27%).

Во второй главе “История ойконимии Вологодского уезда” анализируются принципы и способы номинации селений в XVII в. Все названия распределяются по трем номинативным типам: 1) названия, возникшие по связи именуемого объекта с человеком (посессивные); 2) названия, возникшие по связи именуемого объекта с другим объектом (локативные); 3) названия по свойствам именуемых объектов (калитативные).

Превалируют ойконимы, возникшие по связи именуемого объекта с человеком (78% от общего числа названий). В качестве топоосновы чаще всего используется имя владельца вновь разработанного участка земли, поставившего двор на этом участке. В целом ряде случаев материалы списка селений 1678 г. непосредственно свидетельствуют о появлении на месте, освоенном первопоселенцем, новых жителей: д. *Исаковская* (*Макаровская*) (Мануйл., 337), д. *Балуко́во* (*Бровнево*) (Кубен., 329).

Посессивные ойконимы делятся на три группы: в составе первой объединяются наименования, восходящие к антропонимам; в составе второй, значительно уступающей по объему, - наименования, непосредственно указывающие на землевладельца-феодала; в составе третьей – этнотопонимы.

46% антропоойконимов мотивировано календарными, 54% - некалендарными именами. Формирование антропоойконимов происходило на базе имен, а не фамилий. По свидетельству историков, внутренняя колонизация Вологодского уезда в основном завершилась в XVI веке. Фамилии в этот период не были ещё массовыми и устоявшимися.

В основах антропоойконимов Вологодского уезда представлено более 200 календарных имен. Среди них женские имена единичны: д. *Аксининская* (Корн., 328) < *Аксинья* (*Ксения*), д. *Аннинское* (Комел., 327), д. *Марфинское* (Гриб., 315). Установлено, что частотность мужских имен, участвующих в образовании ойконимов, различна. Наиболее активны имена *Иван* – более 60, *Михаил* – 50, *Алексей* – 41, *Дмитрий* – около 40, *Павел* – более 30, *Василий* – 30, *Петр* – 28, *Георгий* – 27, *Яков* – 26 названий. Отмечены имена, которые редко используются при создании ойконимов: *Авдий*, *Акула* (*Акила*), *Алтуфий* (*Евтихий*), *Анофрий* (*Онуфрий*), *Архип* (*Архипп*), *Анфим*, *Вельямин* (*Вениамин*) и др. Можно полагать, что ойконимы в определённой мере отражают частотность имён на данной территории в XVII в. и в более ранний период.

Ойконимы свидетельствуют об активном процессе освоения календарных имен. Топоосновы отражают общерусские особенности адаптации иноязычных имён: д. *Матвеевская* (4 фиксации) < *Матвей* (*Матфей*), д. *Осievское* (Корн. 328) < *Осий* (*Иосий*), д. *Увариха* (Сямж., 347) < *Увар* (*Уар*). Диалектные изменения, свойственные севернорусским говорам, отмечены в основах ойконимов: д. *Онтоново* (*Воздвиж.*, 314) < *Онтон* (*Антон, Антоний*); сц., д. *Дмитреево* (*Водож.*, 311; Ст. Ник., 346) <

Дмитрий (Дмитрий); поч., д. Микитиха (Лещ., 335) < Микита (Никита); д. Микифорово (Масл., 338). В ойконимах нередко закреплялись различные варианты одного имени, ср.: д. Гуриево (Кубн., 330) и сц. Гуреево (Сям., 352), д. Гурьева (Обнор., 341), д. Гурьевское (Слобод., 346) < Гурий и Гурей.

Широко представлены названия селений, сложившиеся на базе модификаторов календарных имен (модификация – от лат. *modification* ‘видоизменение, преобразование, появление новых свойств’) [Чайкина, Смольников: 2001, 73]. Наиболее продуктивны модификаторы на *-ко/-ка* (226 названий); *-а/-я* (158); *-ша* (59); *-уня/-юня* (37); *-ак(a)/-як(a)* (31); *-уш(a)/-юш(a)* (27); *-ня* (27); *-ук/-юк* (19); ср. д. *Ларкино* (Сям., 351), д. *Спиринское* (Давыд., 316, Кодан., 321), д. *Обакшинская* (Ильин., 329), д. *Климунико* (Богосл. Заб., 307), д. *Тимаково* (Тошен., 357).

Помимо рассмотренных нами наиболее активных модификаторов, в образовании названий селений использовались отдельные имена на *-ај, -ага/-яга, -ан/-ян, -да, -ец, -ик, -ище, -ло, -ок/-ек, -ур(a), -ут(a)/-ют(a), -х(a), -хно/-хне*; ср. д. *Кузяево* (Ник. Заб., 339), д. *Митягино* (Закуш., 318), д. *Ивандино* (Сям., 339), д. *Романцево* (Засодим., 319), сц. *Мосиково* (Лоск., 336).

В топонимах нередко сохранялись многочисленные модификаторы от одного полного имени, например, от имени *Павел*: д. *Павшина* (Шеп., 363), д. *Павшино* (Масл., 337; Сям., 351) < *Павша*; д. *Палкино* (Комел., 324; Сям., 351; Шеп., 364) < *Палка*; д. *Панино* (Лоск., 336), д. *Панинская* (Кумз., 332) < *Пания*; д. *Панкино* (Водож., 312), д. *Панькино* (Ракул., 345) < *Панка, Панька*; д. *Паунинская* (Давыд., 316), д. *Пауниха* (Петр., 346) < *Пауня*; д. *Пафково* (Сям., 349) < *Пафко* (Павко); д., сц. *Пахино* (Гриб., 315; Уточ., 356) < *Паха*; д. *Пашинская* (Кумз., 331) < *Паша*; д. *Пашкино* (Тошен., 356) < *Пашка*; д. *Пашковская* (Кумз., 332) < *Пашко* и др. [ВФ, 75; Суперанская: 1998, 260; Толкачев: 1975, 116, 120, 122; Толкачев: 1978, 121].

По-видимому, в названии селения закреплялся тот вариант имени, который чаще всего использовался в живой разговорной речи. В ряде случаев наименования одного объекта соотносятся с разными модификаторами имени первопоселенца: д. *Алешутино* (Алешинская) (Рожд., 346); д. *Сенино* (Семино) (Замош., 318); д. *Дмиторово* (Дмитряково) (Ст. Ник., 346) и др. Наши материалы свидетельствуют о богатых словообразовательных возможностях русского языка XVII в. в сфере антропонимии.

Следует отметить, что ойконимы, мотивированные разговорно-бытовыми вариантами календарных имён, содержат информацию об особенностях заселения края. Модификаторы на *-ак/-як, -хно, -ша, -ута/-юта* характерны для древненовгородского диалекта [Симина: 1980, 44-45]. Личные имена, возникшие на базе сокращённых основ с помощью суффиксов *-ко/-ка, -ик, -ук* и др., типичны для представителей социальных низов [Азарх: 1981, 234; Никонов: 1982, 35; Селищев: 1968, 53].

Источником номинации селений Вологодского уезда становятся календарные имена (внутрисемейные личные имена и прозвища). Выбор некалендарного имени при образовании ойконима определяется антропонимической системой исследуемой территории. Наиболее активны прозвища, связанные по происхождению с апеллятивами, характеризующими внутренние качества человека. Преобладание морально-этических оценок свидетельствует о высоких требованиях к нравственным качествам, выдвигаемым коллективом. Наибольшее порицание заслуживают жестокость, бесчестье, лень, пьянство, жадность, высокомерие, хвастовство: д. *Бахинская* (Петр., 343) < *Баха* < *баха* ‘человек, совершающий бесстыдные поступки, ведущий непристойные разговоры, похабник’ арх. [СРНГ, 2, 152]; д. *Вербшово* (Лещ., 335) < *Вербило*, ср. *вербиться* ‘выхваляться, хвастаться’ волог. [СРНГ, 4, 121], д. *Вислягино* (Шеп., 363) < *Висляга* < *висляга* ‘праздный человек, шатун, повеса’ волог., курск., твер., яросл.; ‘человек, любящий побаловаться’ волог. [СРНГ, 4, 297].

Большое количество антропоойконимов восходит к профессиональным прозвищам. Названия селений отражают развитие на исследуемой территории промыслов, связанных с обработкой металла, выделкой кожи, производством изделий из дерева и глины, приготовлением продуктов питания, охотой, бортничеством, иконописанием: д., сц. *Кузнецово* (20 ойконимов), сц. *Котельниково* (Город. ст., 303; Тошен., 354), д. *Хомутниково* (Комел., 324), д. *Черепанка* (Комел., 324) < *Черепан* < *черепан* ‘горшечник, горшени, гончар’ волог., перм., вят., сиб. [Д. IV, 593], д. *Кадниково* (Засодим., 319).

Примыкают к группе антропоойконимов названия, непосредственно указывающие на характер владения селением: д., сц. *Боярское* (9 названий), д. *Княжая* (Кумз., 331; Тошен., 354), д. *Княжа* (Козлан., 322), сц. *Владыченка* (Город. ст., 303).

Этнотопонимы отражают характер этнических контактах населения в прошлом: д. *Ракульская* (Ильин., 321) < 1) *ракула* – название карельского племени, 2) *Ракула*; в актах XV в. упоминаются, например, корелы братья *Рокульские* в Приладожье [СГНВО, 192]; д. *Перемское* (Кодан., 321) < *пермь*; д. *Лопарево* (Уфт., 360) < *Лопарь* < 1) *лопарь* ‘саам’ [Агеева: 1990, 62], 2) *лопарь* ‘обжора’ яросл. [СРНГ, 17, 131].

Посессивные ойконимы свидетельствуют о характере землевладения, об особенностях экономики края, отражают утилитарные ценности

В ходе анализа ойконимов локативного типа устанавливается их тесная связь с местной географической номенклатурой и терминами подсечно-огневого земледелия. Наиболее продуктивны названия, отражающие местоположение вблизи водного источника, орографического объекта, сельскохозяйственного угодья и лесного массива. В основе многих древнейших названий лежат местные географические термины. Среди них

преобладают лексемы славянского происхождения, отмеченные в говорах Севера. Субстратные термины единичны (*лыва, согра, курья*). Особенно активной оказывается терминологическая лексика со значением ‘возвышенное место’ (*гора, горка, веретя, бугры, вепрь, грива*), ‘подсека’ (*дор, дорок, гарь, круглица, кулига, погарь, пожар, пожарище, раменье, новина, новоросчисть, рубеж, ржище, поляна*). Тополексемы характеризуют объект с точки зрения его хозяйственной ценности. Большое количество ойконимов, восходящих к словам, называющим положительные формы рельефа, свидетельствует о том, насколько значимы были для поселенцев возвышенные места, особенно возвышенные места, поросшие лесом. Лес воспринимался жителями селений не как пространство, заросшее деревьями, а как сельхозугодье, оценивался по шкале его экономической полезности (д. *Березник* (5 фиксаций), д. *Березники*, д. *Березнишная*, поч. *Березовик*, сц. *Осинник*, д. *Ивняк*).

Названий квазитативного типа на обследованной территории сравнительно немного. При рассмотрении ойконимов данного типа выявляется широкое отражение в них терминов, обозначающих типы сельских поселений и единицы административного деления (*вотчина, городок, двор, деревня, погост, починок, село, сельцо, слобода* – более 30 терминов). Возникновение их обусловлено прежде всего сменой типа поселения, архаизацией топографического термина. Многие ойконимы данной группы функционируют в ряду параллельных наименований.

Среди названий смешанного типа преобладают посессивно-квазитативные ойконимы (для идентификации селения важным оказывается указание на тип объекта и владельца).

Функционирующие в XVII в. ойконимы представлены по-разному: однословными названиями (*Алексеево, Кряжево, Пески*), составными наименованиями (*Большое Макарово*), предложными конструкциями (*Село на Великой реке*). Топонимы-ориентиры являются архаичным явлением в ойконимии Вологодского уезда.

Ойконимы образуются посредством субстантивации прилагательного: сц. *Поддубное* (Пельш., 342), д. *Артемоновская* (Вальг., 310), сц. *Дьяконовское* (Гриб., 315) и т.д. Топонимы этого типа относятся к эллиптической субстантивации. Происходит семантико-сintаксическое переоформление парадигм, ойконимам присваивается родовая система флексий в соответствии с родом эллиптируемого существительного (номенклатурного термина).

Другая разновидность субстантивации представлена топонимами, род которых не зависит от рода географического термина: д. *Подберезное* (Шеп., 362; Ракул., 344), д. *Залесное* (Кумз., 333; Авнеж., 304).

Субстантивация прилагательного либо представляет собою основной способ топонимообразования (д. *Середняя*, д. *Гридинская*), либо является

движущей силой структурных преобразований географических названий (д. *Сидорово*, д. *Матвеево*, д. *Галкино* и т.п.).

Наиболее продуктивная, устойчивая ойкономическая модель – названия на *-ово/ -ево, -ино* (примерно 53% названий от общего числа ойконимов). Чаще всего названия селений на *-ово/ -ево, -ино* фиксируются в центральных, некоторых восточных волостях Вологодского уезда (Воздвиженская, Оларевская, Кочковская – более 80%, Кубенская, Янгосарская, Тошенская, Перебатинская, Шепухотская волости, Городской стан – более 70%). Сопоставление материалов списка 1678 г. с более ранними источниками свидетельствует об активности данной модели в XVII в. По модели на *-ово/ -ево, -ино* оформляются топонимы других семантических типов: д. *Середнее* (Сотн. Вол. у. 1543, 66) – д. *Середнево* (Бохт., 308), д. *Дубничное* (ПКВу 1589, 206) – д. *Дубнишново* (Юж., 365), д. *Нагорная* (ПОВу 1630, 96) – д. *Нагорново* (Ник. Заб., 339). “Подравниванием” под активную модель объясняются структурные изменения посессивных топонимов: д. *Лаврентьевская* (ПОВу 1630, 10) – д. *Лаврентьево* (Юж., 365), сц. *Мининское* (ПОВу 1630, 13) – д. *Минина* (Юж., 365) и др.

Однако в некоторых северо-восточных волостях доля ойконимов на *-ово/ -ево, -ино* значительно ниже, чем в среднем по уезду, не превышает 10% (Ухтомская – 4%, Ембская – 6%, Кривослободская – 6%, Ильинская – 6%, Давыдовская – 8%, Вожегацкая – 8%, Фроловская – 10%). В Вальгской, Вотчинской, Карабунской, Слободской волостях Заозерской половины уезда данные ойконимы отсутствуют.

Здесь отмечена активность модели на *-овская/ -евская, -инская*. Ср., в Зубовской волоти: д. *Вахлунинская* (*Гавриловская*), д. *Назаровская* (*Воронцовская*), д. *Федоровская*, д. *Козицынская* (*Першинская*), д. *Зуевская*, д. *Гридинская* и т.д. В Заозерской половине уезда фиксируются многочисленные неофициальные названия на *-овская/ -евская, -инская*: д. *Исаково* (*Фофоновская*) (Ем., 317), д. *Озерки* (*Лукинская*) (Ем., 317), д. *Афонасовы Горы* (*Левинская*) (Вотч., 315) и др.

Большая группа имен представлена названиями, образованными путем метонимического переноса. Материалы исследуемого источника свидетельствуют об устойчивости, регулярности модели переноса ‘гидроним-ойконим’: д. *Каргач* (Водож., 311) < р. *Каргач*, д. *Нишима* (Сямж., 348) < р. *Нишима*, д. *Глушица* (Комел., 327) < р. *Глушица*. С целью расподобления тождественных структур используется плурализация: сц. *Талицы* (Комел., 323) < р. *Талица*.

Метонимический перенос осуществляется и на базе апеллятивной лексики: сц., д. *Бор* (Кумз., 333; Сямж., 347; Уфт., 360), д. *Дор* (Кумз., 332; Уточ., 358; Уфт., 361 и др.), д. *Жар* (Сямж., 347), д. *Починок* (22 названия), д. *Деревня* (Боров., 308; Давыд., 315; Юж., 365), д. *Погост* (Кочков., 328; Шеп., 362, 363 и др.). При переходе географического термина в топоним для

различения собственного и нарицательного имен широко используется модель *Pluralia tantum*: д. *Гари* (Комел., 326), д., поч. *Дворища* (Леж. вол., 335; Комел., 327) д. *Лавы* (Закуш., 318), д. *Селища* (Пусторам., 344; Уточ., 354), д., сц. *Хмельники* (Водож., 313; Комел., 323).

В результате аффиксальной деривации образованы ойконимы на *-ка*, *-иха*. Незначительное количество посессивных топонимов на *-ка* отмечено в центральных и южных волостях уезда: д. *Гончарка* (Город.ст., 303), д. *Елизарка* (Тошен., 356), д. *Родионка* (Тошен., 357), д. *Рязанка* (Город.ст., 304), д. *Сычевка* (Тошен., 354), д. *Черепанка* (Комел., 324) и др.

Названия на *-иха* составляют 5% от общего числа ойконимов: д. *Микулиха* (Авнеж., 305), д. *Онцыфориха* (Боров., 307), д. *Левиха* (Валыг., 310), д. *Зубариха* (Водож., 312), д. *Омельяниха* (Гриб., 315). На территории ближайшей округи г. Вологды они единичны: в Сямской волости – 3, Кубенской – 3, Перебатинской – 3, Маслянской – 2, Ракульской – 1 ойконим. Отсутствуют в Городском стане, Воздвиженской, Верхневологодской, Лоскомской, Янгосарской и др. волостях. Напротив, высокая частотность названий с формантом *-иха* фиксируется в Заозерской половине уезда (бассейн р. Кубены). В Бережецкой, Васьяновской, Ильинской, Лещевской, Плясовской, Пустораменской, Рождественской, Томашской, Федосеевской, Фроловской волостях – более 20%.

Формирование кубено-верхнесухонского ареала топонимов на *-иха* связано с русской колонизацией этой территории из Ростово-Сузdalских земель, а позже – от низовий Оки. Кубено-верхнесухонский ареал почти полностью совпадает с границами удельного Ярославского княжества, которое было расположено в XIV в. на восточном побережье Кубенского озера по течению реки Кубены.

Об активности топоформанта *-иха* в XV-XVI в. свидетельствуют материалы переписной дозорной книги дворцовых земель Вологодского уезда 1589 г., где фиксируется много названий пустошей на *-иха*: в погосте Рождественском на реке на Кубене – пустоши *Попиха*, *Крашениниха*, *Черепаниха*, *Торгованиха*, *Лопатиха* и др. (30% топонимов) (226, 227, 227 об., 228, 28 об.); в погосте Ивановой слободы – пустошь, что была д. *Самылиха* на речке на Илсеме, пустоши *Рябиха*, *Калиниха*, *Маниха* и др. (242 об., 243, 247 об., 249) – 18% топонимов; в Лещовском погосте – пустошь, что была д. *Суслониха*, пустошь, что была д. *Гуляиха* на речке Гремячке, д. пуста *Евсютинская*, *Евсюниха* тож на реке на Кубенице и др. (175, 167, 177) – 14%; в волости Катромской – пустошь, что была д. *Казачиха*; пустошь, что была д. *Волчиха* и др. (287, 287 об.) – 12%; в погосте Валга – пустошь *Оботуриха*; пустошь, что была д. *Пихалиха* и др. (315, 315 об.) – 12% названий.

Сопоставление данных переписей 1589 и 1678 гг. позволяет говорить об устойчивости названий на *-иха*. Приведём пример по волости Лещевской:

1589 г.	1678 г
д. <i>Оратиха</i> на реке на Сиде (142)	д. <i>Оратиха</i> (336)
д. <i>Кобелиха</i> на реке на Сиде (144)	д. <i>Кобелиха</i> (336)
пустошь, что была д. <i>Прокопиха</i> на реке Сиде (142 об.)	д. <i>Прокопиха</i> (336)
д. <i>Латиха</i> на речке на Вытекле (153)	д. <i>Латиха</i> (336)

В результате синтаксической деривации возникают составные наименования, представляющие собой разные типы устойчивых сочетаний, которые характеризуются семантической целостностью, постоянством структуры (определенным порядком компонентов) и их воспроизведимостью. Большинство наименований являются двухкомпонентными, трехкомпонентные единичны. Выделяются составные наименования с прямым и обратным порядком слов. Прямой порядок слов: д. *Новое Займище* (Обнор., 341), д. *Большая Деревня* (Ильин., 321), д. *Высокий Починок* (Гриб., 315), д. *Малая Слободка* (*Гривкино займище*) (Кумз., 331), д. *Нижняя Косогора* (Кубен., 330), д. *Средний Двор* (Корбан., 328), д. *Малютин Починок* (Петр., 343), д. *Малая Федулка* (Водож., 311), д. *Большое Турово* (Заднесел., 317) и др. Обратный порядок слов: д. *Дорок Большой* (Обнор., 340), д. *Горка Филисова* (Сямж., 348). Наиболее активно в качестве опорного компонента выступают географические термины, частотны – *починок* (55 ойконимов), *дор*, дериват *дорок* (16 ойконимов), *гора*, дериват *горка* (14 ойконимов), *займище* (13 ойконимов). Определение чаще предшествует опорному слову, в постпозиции наблюдается реже.

Представлены бинарные оппозиции с элементами *большой – малый* (*меньшой*), *старый – новый, нижний – верхний*. Количество названий с данными определениями неодинаково. Продуктивна модель *большой – малый* (*меньшой*): фиксируется 29 названий со словом *малый* (*меньшой*) и 25 – со словом *большой*, соотносимых пар – 12: д. *Большой Кривец* – д. *Малый Кривец* (Бохт., 308), д. *Большая Мурга* – д. *Меньшая Мурга* (Засодим., 319). Частичная корреляция (один из членов оппозиции немаркирован) – у 5 пар названий: д. *Займа Малая – Займа* (Тошен., 350), д. *Малые Шелтины озерка – Шелтины озерка* (Бохт., 309); д. *Малый Крутец* – д. *Крутец* (Комел., 324); д. *Большое Ивановское – сц Ивановское* (Угол., 358), д. *Дорок Большой* – д. *Дорок* (Обнор., 340).

Ойконимия списка селений Вологодского уезда 1678 г. сопоставляется с данными современного административного деления. Как известно, сохранению названий способствует длительность существования объекта. Согласно П.А. Колесникову, удельный вес древнейших деревень в группе центральных районов Вологодской области на 1 января 1973 г.

составил 63 % от общего числа населенных пунктов. В Усть-Кубинском районе среди селений, датированных XVII в. и более ранним периодом, - 263 деревни (78,9 %), в Междуреченском – 203 (76,3 %), Сокольском – 360 (75 %) [Колесников: 1990, 11].

В 70-90-е годы XX в. число ойконимов значительно сокращается в связи с запустением деревень. Упразднены, сняты с учета деревни Кубенского с/с (бывшей Кубенской волости) *Оконниково, Олисавино, Кокошкино, Пудово, Улитино, Болсуново, Фетинино, Дмитряково, Подсосенное* и др.; Спасского с/с (ранее Городского стана) – *Петино, Марьино, Гончарка, Высочка, Новое Афонасово, Шарапово, Сметьево* и др.

При сопоставлении названий деревень фиксируются фонетические варианты: сц. *Пятино* XVII в. – д. *Петино* XX в. (Спас), д. *Вятское* XVII в. – д. *Вецкое* XX в. (Кубен.) и мн. др. Данные трансформации ойконимов свидетельствуют о забвении внутренней формы слова.

Отражено стремление следовать литературной норме (орфоэпической, орфографической): д. *Онтоново* XVII в. – д. *Антоново* XX в. (Вепр.), сц. *Анцыфирово* XVII в. – д. *Анциферово* XX в. (Спас.). В соответствии с правилами орфографии на географических картах оформляются составные ойконимы: д. *Горка Минина* XVII в. – сц. *Горка-Минино* XX в., д. *Горка Никольская* XVII в. – д. *Горка-Никольская* XX в. (Борис.).

Давлением языковой системы обусловлены структурные преобразования топонимов. Под воздействием ведущей модели на –ово/-ево, -ино переоформились отдельные посессивные наименования: д. *Непомяговская* XVII в. – д. *Непомягово* XX в. (Спас.), д. *Арсеньиха* XVII в. – д. *Арсеньево* XX в. (Старосел.), а также ойконимы других семантических типов: д. *Становище* – д. *Становищево* (Перц.), д. *Короткое* – д. *Коротково* (Кубен.). Структурные изменения ойконимов на северо-востоке региона вызваны активизацией топоформанта –иха: д. *Косаревская* – д. *Косариха* (Харов.), д. *Денисовская* – д. *Денисиха* (Вожег.); в центральных и южных районах – форманта –ка: сц. *Тимофеевское* – д. *Тимофеевка* (Пудег.), д. *Поповское* – д. *Поповка* (Окт.), д. *Кузнецово* – д. *Кузнецовка* (Окт.) и др. В связи с этим на близкой территории (в границах сельсовета) образуются «гнезда одноструктурных имен», совпадающих и по принципам номинации.

В исследуемый период ярко проявляется тенденция к замене составных наименований однословными. Потеря одного из компонентов может быть связана с нарушением системности – выпадением одного из звеньев соотносительного ряда: д. *Большое Чюрцово* > д. *Чурцево* (Ботан.), д. *Меньшое Пеньево* > д. *Пеньево* (Окт.).

Из состава ойконимов чаще всего устраняется бывший географический, номенклатурный термин: д. *Горка Филисова* > д. *Филисово* (Филин.), д. *Починок Звягин* > д. *Звягино* (Ведерк.). Реже избыточным компонентом является определение: д. *Починок Вырыпаев* > д. *Починок*

(Забол.), д. *Дор Рябин* > д. *Дор* (Хожаев.). Стремление к упрощению структуры ойконима прослеживается и в выборе дублета в качестве официального названия деревни: д. *Синяково (Горка Наквасинская)* > с. *Синяково* (Кубен.), д. *Обрамово (Малютин Починок)* > д. *Абрамово* (Разин.), д. *Бор (Коровий Двор)* > д. *Бор* (Жит.) и др.

В случае одноименности объектов вводятся дополнительные различители: д. *Горка*, д. *Горка* > д. *Горка 1-я*, д. *Горка 2-я* (Томаш.) В XX в. становится продуктивной модель с цифровыми индексами: д. *Алексеево* – д. *Алексеево 2-е* (Вотч.), д. *Высоково 1-е* – д. *Высоково 2-е* (Вотч.), д. *Починок* – д. *Починок 2-й* (Погорел.), д. *Обухово* – д. *Обухово 2-е* (Прилук.), д. *Семенково* – д. *Семенково 2-е* (Прилук.).

В XX в на Вологодской земле возникают новые селения с условно-символическими наименованиями, отражающими оптимистически радостные переживания революционной эпохи: пос. *Пролетарский* (Явнг.), д. *Первомайское* (Подлес.), пос. *Майский* (Раб. - Крест.), пос. *Мирный* (Двинц.).

Отмечены названия-посвящения: д. *Можайское (Спас.)*, ранее д. *Котельниково*, названа в честь земляка – русского изобретателя в области воздухоплавания А.Ф. Можайского; д. *Марково* (Марк.) получила свое имя в честь грязовецкого землемера Н.В. Маркова [СГНВО, 139].

Для селений позднего строительства (в основном – рабочих поселков) характерна номинация по соотнесенности с каким-либо промышленным или сельскохозяйственным предприятием, железнодорожной станцией: пос. *Молочное* (Окт.), пос. *База* (Явнг.), пос. *18-й километр* (Демьян.), д. *24-й километр* (Демьян.) и др.

Материалы списков селений Вологодской земли XVII и XX вв. отражают динамику топонимической системы и в то же время ее значительную устойчивость. Основные семантические и структурные типы названий селений сложились уже в языке великорусской народности и сохраняются на протяжении XVII - XX вв.

В третьей главе “Гидронимия Вологодского уезда” анализируются субстратные и славянские названия водных объектов. Субстратные гидронимы рассматриваются с точки зрения этимологии: выделяются форманты и основы, определяется их частотность, устанавливается языковая принадлежность. Славянские гидронимы, как и топонимы других классов, подвергаются ономасиологическому описанию.

В соответствии с основными направлениями освоения субстратных гидронимов на территории исследуемого региона отмечены следующие группы названий: 1) собственно субстратные названия, характеризующиеся субстратной основой и формантами; 2) топонимы с субстратными основами и русскими аффиксами; 3) полукальки. Ведущее место в топонимической системе занимают гидронимы первой группы, полукальки единичны.

В ходе анализа топоформантов субстратных гидронимов выявлены продуктивные модели на *-Vn(ъ)га*, *-Vг(a)*, *-(V)ма*, считающиеся архаичными. Менее активны форманты *-са*, *-кса*, *-ша*, *-киша*, *-бой*, *-буй*, *-ол*, *-ул*, *-сара*, *-сора*. Редки названия на *-(V)ла*, *-ач*, *-баш*, отмечены единичные - на *-ингарь*, *-(V)гда*.

Основные топонимические пласти (волжский, саамский, прибалтийско-финско-саамский, прибалтийско-финский, славянский) свидетельствуют об активном этноязыковом контактировании в прошлом. Самая многочисленная группа гидронимов с прибалтийско-финскими (вепскими, карельскими) истоками.

Включаясь в русскую топонимическую систему, субстратные гидронимы могут стать основой для создания гидронимов уже на русской почве: р. *Бохтюга* – р. *Полевая Бохтюга*, р. *Угорма* – р. *Черная Угормица* (*Черная Угорма*). В результате взаимодействия субстратных и славянских названий возникают бинарные оппозиции: р. *Верхняя Кизьма* – р. *Нижняя Кизьма*, р. *Большая Ельма* – р. *Малая Ельма*, р. *Шапша* – р. *Черная Шапша*. Парадигматические ряды могут расширяться за счет включения названий смежных объектов других классов: р. *Шингарь* – р. *Черный Шингарь* – р. *Белый Шингарь* – пучкас *Шингарский*; р. *Пучкас* (*Большой Пучкас*) – р. *Малый Пучкас* – оз. *Пучкас*.

Среди славянских названий преобладают гидронимы, указывающие на свойства самого водного источника, особенности окружающего ландшафта. Наиболее частотными в славянской гидронимии края являются оппозиции 'чёрный (красный) – белый', 'быстрый – медленный', 'большой – малый', 'верхний – нижний'. Гидронимы отражают оценку прагматических свойств объекта, характеризуют его с точки зрения практических интересов деятельности человека. Широко представлена в гидронимии аффиксальная деривация. Производные названия в данном случае возникают суффиксальным способом. Наиболее активны форманты *-иц(a)*, *-к(a)*, *-овк(a)* / *-евк(a)*. Под влиянием продуктивных словообразовательных моделей происходят структурные преобразования ряда гидронимов: р. *Окуловка* > р. *Окуловица*, р. *Жаровка* > р. *Жаровица*.

В заключении подводятся итоги исследования.

Изучение топонимии в перспективном плане позволяет выявить основные тенденции и закономерности развития топонимической системы на протяжении XVII-XX вв. Установлено, что темпы протекания общетопонимических процессов в урбанонимии, ойконимии, гидронимии различные.

Урбанонимия подвижна. Город растет, в нем появляются новые объекты, нуждающиеся в индивидуальном обозначении. Смена топонимических пластов в XVII-XIX вв. отражает особенности пространственного развития города. Преобладают названия локативного

типа. Номинация внутригородских объектов ведется в основном с ориентацией на церкви города (Леонтьевской сорок, *Никольская* слободка, *Борисоглебская* башня, *Вознесенская* улица). Названия, образованные от эклезионимов, вмещают в себя всю глубину православных духовных ценностей. Посессивные топонимы немногочисленны. Они указывают на домовладельцев, особенности объектов в связи с ремесленной деятельностью горожан (*Гасилова* улица, *Калашная* улица, *Кузнецы*).

В XX веке (послеоктябрьский период) наименование объектов становится средством политической пропаганды. На смену старым именам приходят условно-символические и мемориальные названия. Контрастные ко всем прежним наименованиям, они соответствуют идеологическим предпочтениям новой эпохи.

Иной характер изменений наблюдается в сельской топонимии. Продуктивная модель XVII в. – посессивные ойконимы. Чаще всего они восходят к именам крестьян, использовавших объекты в своих хозяйственных целях. Посессивные ойконимы отражают утилитарные оценки, связанные с практической деятельностью, практическими интересами и повседневным опытом человека. Преобладание в группе локативных ойконимов имен, восходящих к терминам подсечно-огневого земледелия и словам, называющим положительные формы рельефа, во многом объясняется преимущественно земледельческим освоением края.

Названия, возникшие в XVII в., обновляются очень медленно. Сопоставление списков селений XVII и XX вв. свидетельствует об устойчивости основных семантических типов в ойконимии бывшего Вологодского уезда. В 70-90-е годы XX в. отмечено значительное сокращение общего числа названий, что связано с укрупнением населённых пунктов, закрытием “неперспективных” деревень.

Гидронимы, регистрируемые в письменных источниках XVI-XIX вв., функционируют и в настоящее время, отличаются значительной устойчивостью. Изменения проявляются в структурных преобразованиях названий рек.

Установлено, что топонимия Вологды и ее окрестностей – динамичная система, обладающая мощным унифицирующим действием и открытая для новых явлений и тенденций.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

1. Топонимия Вологды в XVII веке // История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси. – Вологда, 2002. – С. 163-168.

2. Из истории ойконимии Вологодского уезда (по материалам списка селений 1678 года) // Русское слово в тексте и в словаре. – Вологда, 2003. – С. 115-222.

3. Исторические изменения в ойконимии Вологодской земли (XVII-XX вв.) // Разноуровневые характеристики лексических единиц: Сборник научных статей по материалам докладов и сообщений конференции. - Ч. 2. - (Смоленск, 30-31 марта 2004 г.). – Смоленск, 2004. – С. 85-90.
4. История топонимии Вологды // Чайкина Ю.И., Монзикова Л.Н., Варникова Е.Н. Из истории топонимии Вологодского края. -- Вологда, 2004. – С. 41-64.